

Художественный театр устроит радостно-печальное торжество в память своего Чехова.

У руководителей этого театра много ума, таланта и хорошего вкуса. У артистов его, помимо талантов, есть какая-то особенная, неактерская интеллигентность, и поэтому его праздники имеют очень приятный, интимный характер. Не так, как бывает в театре, а так, как бывает в гостях у людей высокой культуры. Ничего крикливого, разного, нарочито эффектного.

И особенно этот характер чествования подходил к празднику Чехова, писателя тихого, застенчивого, боившегося позы и фразы.

Хорошо было, уютно, и скорбь была перемелена вместе с радостью, словно дождик весною сквозь солнце.

Когда он идет, есть какая-то волнующая, сладкая грусть, и в то же время так радостно.

Чехова нет, давно уже нет, и это так горько, и в то же время он здесь, такой близкий, такой любимый, может быть, ближе, чем был при жизни, — и уже наш навсегда.

В том, что сказал Вл. П. Немирович-Данченко, было как будто мало по существу, но это было просто, без всякой рисовки и потому хорошо.

И А. Бунин, которого теперь не зовут иначе, как «академик Бунин», несмотря на то, что у него имеются все права на титул гораздо более высокой, — «поэт Бунина», — читал тоже хорошо, но впечатление ослабилось тем, что очень многое из прочитанного уже было в печати. А затѣм, не в угоду талантливому поэту: читает сочувственно о том, как сбился Чехов над поэзией, которая состоит из «серебристой дали», «аккорда» и проч., а сам возносит острым верхушкой темных кипарисов в лучистые зыблания. Другому это простил бы, но к такому трезвому и четкому художнику становился придирическим; из его статьи надо выкинуть двести фразы, звучащие «скаждом».

Великолепно были сыграны две чеховские миниатюры: «Унтерз Пришибеель» и «Хирургия», но главным содержанием праздника были два акта — один из «Иванова» и другой из «Дяди Ваня», не разыгранные, а прочтенные.

— Вы упрекали нас за сверхчеловечность актёра жертвными вещами, — вот мы перед вами беззащитные: за толкотней, без грима, в обычных костюмах. А, вѣдь, впечатлѣніе получается большое? Правда?

Да, впечатлѣніе получалось большое, порою очень большое, и мы не будем вести сейчас академического, хотя и очень интересного по существу, спора о том, должно ли впечатлѣніе от художественного чтения достигаться исключительно голосовыми средствами и мимикой, или необходимо выходить за эти пределы. Во всяком случае, это было очень хорошо.

СЕРГЕЙ ЯБЛОНОВСКИЙ.

II.

Фойе и коридоры Художественного театра переполнены.

Публика все прибывает и прибывает. Портрет А. П. Чехова, висающий в фойе, утопает в цветах.

В зрительном зале, протяв сцены, на барьер балкона повешен другой портрет Чехова, — тот, что висит обыкновенно в артистическом фойе.

На сцене появляются лучшие силы Художественного театра, с К. С. Станиславским и Вл. П. Немировичем-Данченко во главе.

Публика как долго аплодирует.

Вл. П. Немирович-Данченко, предложив присутствующим почтить память А. П. Чехова вставанием, произносит «востановительное слово».

Между прочим, Вл. П. говорит:

— Судьба связала с именем А. П. Чехова Художественный театр неразрывными узами...

Близость между Чеховым и Художественным театром была гораздо глубже, чем это до сих пор известно. Большой публики, несмотря на короткий срок, который она продолжалась, — всего пять лет... Но за этот короткий срок было так много пережито вместе, родственными художественными идеями связаны в такой сплоченной общности, что театр не прав и по обязанности может называться театром Чехова.

Я не думаю, что преувеличу, если скажу, что в жизни Художественного театра до сих пор едва ли проходил один рабочий день, одна репетиция художественных исканий, на которой не было бы произнесено имя Чехова.

Мы поймем поэтому, что сегодня я не могу избрать для своего вступительного слова тему: Чехов как писатель или Чехов как драматург. Перехожу на этот образ близкого нам человека с теми его характерными особенностями, как ярко отразившимися в его произведениях.

Человек, который любил жизнь... Любил березу и солнечный луч чистого утра, любил извилистую степную рѣчку и меланхолическую задумчивость вечернего заката. Любил мягкий посыл перелета и тоскливый крик совы. Беззаботный смѣх, молодость, наивную итру женскую любовь, литературных друзей любил обывателей, над которыми тихи посылался, любил русский язык, его славянский лиризм, его юбка сравнен и неожиданную образность. Он любил быт, как только может его любить художник-колорист. Он был искренним и искренне только так, как чувствовался...

Откуда пришла знаменитая «чеховская тоска»?

В жизни он не показывал этой тоски, как, вообще, мало любил думать даже с самыми близкими тем, что в его душе было особенно глубоко и особенно серьезно.

Как человек большого содержания: скромный, он любил одиночество чувств и одиночество мысли.

В эти пять лет близости его к Художественному театру он был не только прикован к Югу, где тосковал ужасно...

Нить возможности без большого воз

нения перечислять некоторые строки его писем:

«Мне скучно ужасно. День я еще не забываю, в работу, но когда наступает вечер, приходит отчаяние. И когда вы играете второе действие, я уже лежу в постели. А встать, когда еще темно! Представь себе: темно, вѣтер поет, и дождь стучит в окна...»

Затѣм Вл. П. Немирович-Данченко подробно рассказывает про свое посещение Чехова в Ялту. Перехожу к воспоминаниям о постановке «Вишневого сада», он, между прочим, замечает:

— Еще не так давно устно говорили, что Чехов — писатель не для театра, Чехов — не драматург. Теперь зачинать это является уже темой избитой и мало благодарной. «Вишневый сад» идет сегодня 116 раз...

Шесть лет прошло. С тех пор мы пережили 1905 год. И когда Тузенбах из «Трех сестер» говорит: «Кто знает, а, быть-может, нам жизнь наложить высокой и вспомнить о ней с уваженьем: теперь жить много, жить казней», — то эти слова кажутся уже анахронизмом! Тузенбах говорит: «Пришло время, нависает на всех нас гроза, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лют, равнодушье, предубеждение к труду, гниющую скуку».

Чехов умирает накануне этой бури, как будто послѣ нее уже не нужны будут его могилы тоски по лучшей жизни.

Но проходит только шесть лет, и Астров попрежнему молчит бы говорить: «Я работаю, как никто, вѣдь, судьба бьет меня, не переставая, и у меня вдали нет огня»...

Во втором отделе П. А. Бунин прочел свои воспоминания о Чехове.

С.

Чеховское утро.

I.

Чеховский день из театров отпраздновал один Художественный театр.

Странно было, что Чехова не праздновал Малый театр, и неизвестно, что руководило этим индифферентизмом к дорогому писателю: стыдливое ли сознание, что, не воплотив ни одного из его произведений, за исключением водевилей, театр как бы не имеет на это права, или казенное равнодушие, признающее только казенные юбилеи для писателей, которых имя, вѣдь, сблала казенным...

Еще менее понятна индифферентность частных театров.

Но Бог с ними. Не будем говорить о том, чего не было; скажем о том, что было.